

Д-ръ Н. М. Поповъ.

Ордин. проф. Императорскаго Казанскаго Университета.

ЭПИЛЕПСІЯ

ВЪ

ИСТОРИИ ЕВРОПЫ XIX СТОЛѢТІЯ.

Публичная лекція, прочитанная 26 марта 1899 г. въ пользу учениковъ начальныхъ народныхъ училищъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1899.

Печатано по опредѣленію Общества невропатологовъ и психіатровъ
при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Н. Поповъ.

КАЗАНЬ

Издательство Императорскаго Казанскаго Университета

1901

Мм. Г-ни и Г-ри!

Эпилепсія, или падучая, принадлежит къ числу весьма распространенныхъ нервныхъ болѣзней и безъ сомнѣнія многимъ изъ Васъ даже случалось видѣть припадки, которыми она проявляется: идетъ человекъ, повидимому, совершенно здоровый, вдругъ вскрикиваетъ и, какъ бы сраженный какой-то таинственной силой, безъ сознанія падаетъ на землю; страшныя судороги охватываютъ все его тѣло; у рта показывается пѣна, перѣдко окрашенная кровью. Такъ продолжается обыкновенно не долѣе нѣсколькихъ минутъ; затѣмъ больной впадаетъ въ глубокой сонъ, выйдя изъ котораго, ничего не помнитъ, что съ нимъ происходило, а жалуется лишь на общую разбитость и усталость. Если Вы были свидѣтелями подобной сцены, то Вы знаете, что такое типичный эпилептическій припадокъ. Но эпилептическій неврозъ далеко не всегда выражается подобными припадками. Клиническія проявленія его могутъ быть крайне разнообразны. Въ однихъ случаяхъ больной, теряя сознаніе, не падаетъ, а неподвижно остается на своемъ мѣстѣ или даже совершаетъ рядъ какъ бы цѣлесообразныхъ дѣйствій, о которыхъ потомъ не сохраняетъ никакого воспоминанія. Въ другихъ случаяхъ весь припадокъ состоитъ только изъ кратковременнаго головокруженія, причемъ сознаніе не утрачивается вполнѣ. Из-

вѣсны далѣе случаи, когда судорожный припадокъ эпилепсiи замѣнялся глубокимъ сномъ, который охватывалъ человѣка врасплохъ, въ самый разгаръ кипучей дѣятельности, среди шумнаго, веселаго общества или въ моментъ какой-нибудь официальной церемонiи. Самыя судороги при эпилепсiи далеко не всегда бываютъ общими; иногда онѣ захватываютъ лишь какую-нибудь ограниченную, опредѣленную область и въ такомъ видѣ могутъ наблюдаться при полномъ сохраненiи сознанiя.... Однако, я не имѣю въ виду перечислять здѣсь всѣ разновидности припадка падучей: не онѣ дали мнѣ поводъ избрать эпилепсiю предметомъ сегодняшней лекцiи, а тѣ измѣненiя въ психической сферѣ человѣка, которыя нерѣдко возникаютъ подъ ея влiянiемъ. Наблюденiе учитъ, что если человѣкъ долгое время страдаетъ эпилепсiей, особенно если припадки быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ и особенно если они начали появляться въ раннемъ возрастѣ, наблюденiе показываетъ, что при этихъ условiяхъ вся психическая жизнь больного мало-по-малу можетъ рѣзко измѣняться: у него вырабатывается, такъ называемый, эпилептический характеръ.

Главной основной чертой эпилептического характера принято называть раздражительность. Въ самомъ дѣлѣ эпилептикъ вообще наклоненъ къ безумнымъ вспышкамъ гнѣва, къ актамъ дикой жестокости, которые онъ совершаетъ, находясь подъ его влiянiемъ, и это при ничтожномъ поводѣ или даже безъ всякаго внѣшняго импульса. Но раздражительность не всегда, не во всякое время отличаетъ эпилептика. Иногда, и опять таки безъ достаточнаго мотива, больной круто мѣняется. Онъ дѣлается боязливымъ, робкимъ, приниженнымъ, услужливымъ до низкопоклонства, снисходительнымъ, даже льстивымъ и такiя крайности, безпорядочно чередуясь, могутъ быстро смѣняться одна другою. Столь же чрезмѣрная измѣнчивость наблюдается и во всемъ настроенiи больныхъ и въ способности ихъ къ умственной дѣятельности. То они печальны, мрачно смотрятъ на будущее, впадаютъ въ отчаянiе, то напротивъ,

испытываютъ чувство благосостоянія, полной удовлетворенности, строятъ самые смѣлые планы, грандіозные проекты, плохо вяжущіеся съ ихъ печальнымъ положеніемъ. Иногда они капризны, склонны къ ссорамъ, жалобамъ, кляузамъ, даже къ дикому насилію, то, напротивъ отличаются мягкостью, благородствомъ, высказываютъ глубокое религиозное чувство, самые альтруистическіе взгляды, и все это въ рѣзко преувеличенномъ видѣ и все это безъ малѣйшихъ внѣшнихъ мотивовъ. Не менѣе рѣзкіе контрасты замѣчаются и въ энергіи умственной дѣятельности эпилептиковъ и въ содержаніи идей, которыя ихъ занимаютъ. Иногда мы констатируемъ у больныхъ интеллектуальную подавленность, ослабленіе памяти, вниманія, способности правильно понимать и оцѣнивать происходящее вокругъ; имъ трудно собрать мысли, и они сами сознаютъ спутанность своего мышленія. Въ другой разъ, наоборотъ, у тѣхъ же субъектовъ замѣчается въ высокой степени повышенная способность къ умственной работѣ: мысли быстро слѣдуютъ одна за другою, тяжелый трудъ имъ легко дается и въ какой-нибудь часъ они могутъ сдѣлать несравненно болѣе, чѣмъ до того въ цѣлый день.

Колебанія въ настроеніи и въ высотѣ интеллекта налагаютъ естественный отпечатокъ на всю внѣшнюю дѣятельность больныхъ, на всѣ ихъ поступки. Въ теченіе нѣкотораго времени эпилептикъ является трудолюбивымъ, точно выполняющимъ свою работу, внимательно относится къ ней и легко заслуживаетъ самыя искреннія похвалы; но такое поведеніе можетъ сразу мѣняться: больной становится небрежнымъ, лѣнивымъ, забываетъ даже элементарныя вещи, проводить все время въ безцѣльномъ блужданіи изъ угла въ уголъ, обнаруживая въ дѣйствіяхъ ту же спутанность, какъ и въ идеяхъ. Въ это именно время у эпилептиковъ могутъ развиваться самыя дурныя наклонности, самыя вредныя стремленія; они жалуются на всѣхъ, ссорятся со всѣми, и въ припадкѣ гнѣва набрасываются на окружающихъ, чаще всего безъ всякаго вызова съ ихъ стороны. Наконецъ, видной особен-

ностью эпилептиковъ въ очень многихъ случаяхъ является также притупленіе нравственнаго чувства, выражающееся между прочимъ грубымъ, черствымъ эгоизмомъ. Строго говоря, на нравственную тупость указываютъ уже приведенныя выше свойства характера эпилептиковъ: чудовищная жестокость, которую они проявляютъ въ состояніи раздраженія, наклонность къ кляузамъ, недовѣрчивое, озлобленное отношеніе къ окружающимъ. По мѣрѣ того какъ тянется заболѣваніе, альтруистическія чувствованія болѣе и болѣе гложутъ, эпилептикъ все болѣе и болѣе становится человѣкомъ думающимъ только о себѣ, отстаивающимъ только собственные интересы, да и то понимаемые чрезвычайно узко.

Таковы главнѣйшія свойства эпилептического характера. Но, замѣчательный фактъ, неврозъ, такъ глубоко расшатывающій духовную жизнь человѣка, очень нерѣдко щадитъ умственные способности въ строгомъ смыслѣ этого слова. Болѣе того, на ряду съ эпилепсіей могутъ существовать даже выдающіяся умственные силы, безспорная талантливость. Среди наиболѣе видныхъ дѣятелей въ области науки, искусства, политики, можно назвать много громкихъ именъ, принадлежащихъ завѣдомымъ эпилептикамъ: Мольеръ, Юлій Цезарь, Магометъ, Кромвель, Ришелье, Мюссе, Петрарка, Свифтъ, Флоберъ, Достоевскій—все это были эпилептики. Но само собой понятно, что болѣзнь должна была наложить на нихъ тотъ или иной отпечатокъ, и было бы въ высшей степени поучительно прослѣдить, какъ отражалась эпилепсія на творчествѣ великихъ людей, какъ она повліяла на научную или общественную ихъ дѣятельность. Однако такая задача слишкомъ обширна; ее нельзя уложить въ рамки отдѣльной лекціи. Сегодня я позволю себѣ поэтому остановить Ваше вниманіе только на одномъ замѣчательномъ общественномъ дѣятелѣ—эпилептикѣ, жившемъ въ сравнительно близкіе къ намъ времена.

* * *

Бурный водоворотъ событій, разыгравшихся въ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи, выдвинулъ на политическую арену крайне выдающуюся личность, которая въ короткое время достигла высоты недоступной для обыкновеннаго смертнаго, удерживалось на ней въ теченіе долгихъ лѣтъ и оказала глубокое вліяніе на дальнѣйшій ходъ всей европейской исторіи. Эта личность—Наполеонъ I.

Всякому образованному человѣку очень хорошо извѣстна дѣятельность Наполеона, какъ полководца и администратора; всѣ Вы, конечно, хорошо знаете его біографію и я вовсе не имѣю въ виду рассказывать ее здѣсь, но мнѣ бы хотѣлось только напомнить нѣкоторые факты изъ жизни Наполеона, обрисовывающіе характеръ его психо-нервной организаціи. Я разверну передъ вами исторію его болѣзни, его скорбный листъ.

Начну съ этиологіи, съ разсмотрѣнія причинъ, объясняющихъ заболѣваніе.

Историки, изучавшіе эпоху Наполеона и интересовавшіеся его личностью, сообщаютъ намъ сравнительно скудныя свѣдѣнія объ его родныхъ. Извѣстно однако, что его мать, женщина простаго происхожденія, отличалась вполне хорошимъ здоровьемъ и строгой психической уравновѣшенностью. Развѣ одно можно сказать о ней—по крайней мѣрѣ въ преклонномъ возрастѣ, она выдавалась замѣчательной скупостью; отецъ Наполеона происходилъ изъ стараго дворянскаго рода; обремененный большою семьей, всю жизнь онъ боролся съ нуждой и умеръ, еще далеко не достигнувъ старости.

Наполеонъ признавался Антомарки, что его отецъ былъ алкоголикъ. Если это заявленіе справедливо, то оно вполне объясняетъ, почему какъ самъ Наполеонъ, такъ и его братья и сестры въ большой или меньшей степени были предрасположены къ различнымъ нервнымъ и душевнымъ заболѣваніямъ, почему они выдавались такими свойствами ума и характера, которыя присущи только дегенерантамъ. Сестры своимъ лег-

комысліемъ и безнравственностью удивляли даже современниковъ, болѣе чѣмъ не требовательныхъ въ этомъ отношеніи. Одна изъ нихъ, Паулина, страдала истеріей. Братъ Наполеона, Люсьенъ, отличался жадностью, чувственностью, самымъ узкимъ эгоизмомъ. У самаго Наполеона наслѣдственность сказалась прежде всего цѣлымъ рядомъ такъ называемыхъ признаковъ физическаго вырожденія. Вотъ какъ описываютъ его современники: Наполеонъ малаго роста (1½ метра); голова его мезоцефалическаго типа; лице, съ ясною ассиметріей, отличается громадными челюстями, выдающимися скулами, слишкомъ глубокими глазными впадинами. Во всемъ тѣлѣ нѣтъ пропорціональности, присущей нормальному человеку: руки слишкомъ длинны, ноги слишкомъ коротки; голова сидитъ слишкомъ глубоко между плечами; спина согорблена. Сочетаніе такихъ признаковъ, указывавшихъ, что организмъ Наполеона развивался подъ вліяніемъ какихъ-то вредныхъ условій, это сочетаніе весьма естественно давало поводъ заключать, что также при неблагоприятныхъ условіяхъ возникла и росла его нервная система. И, дѣйствительно, лица, близко знавшія Наполеона, свидѣтельствуютъ, что онъ уже съ дѣтства страдалъ различными нервными болѣзнями. Такъ, онъ часто испытывалъ жестокія головныя боли, сопровождавшіяся тошнотой. На лицѣ у него постоянно замѣчалось непроизвольное миганіе лѣвымъ глазомъ и подергиваніе лѣваго уха. Эти судорожныя движенія въ моментъ волненія всегда усиливались и распространялись далѣе: Наполеонъ начиналъ выворачивать правую руку и подымать правое плечо; губы его судорожно подергивались, челюсти производили жевательныя движенія. Однимъ словомъ, Наполеонъ страдалъ мигренью и тикомъ. Но что представляетъ особенно важное значеніе— у него съ дѣтства наблюдались эпилептическіе припадки. Къ какому именно времени относится начало этихъ припадковъ, точно не установлено. Извѣстно однако, что еще въ Бріеннской школѣ, когда Наполеона хотѣли наказать за непослушаніе, съ нимъ случился жестокій припадокъ, испугавшій всѣхъ

окружающих и заставившей отмѣнить наказаніе (de Narvins, Histoire de Napoleon). Какъ часты были припадки у Наполеона, трудно сказать; но многіе авторы упоминаютъ о нихъ въ самыя различныя эпохи его жизни. Такъ, въ мемуарахъ Констана говорится, что подобный припадокъ былъ 10 сентября 1804 года и продолжался нѣсколько часовъ, такъ что Жозефина позвала на помощь приближенныхъ. Прийдя въ себя, императоръ приказалъ свидѣтелямъ молчать о томъ, что съ нимъ произошло. Въ 1805 году наблюдалъ подобный же припадокъ Талейранъ въ Страсбургѣ. Вотъ какъ онъ описываетъ его ¹⁾: „Наполеонъ поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты Жозефины, обхватилъ меня руками, потащилъ въ сосѣднюю комнату и пробормотавъ, чтобы была заперта дверь, упалъ на полъ. Онъ стоналъ, изъ рта выходила пѣна, съ нимъ были судороги, которые черезъ $\frac{1}{4}$ часа прекратились“.

Узнавъ объ измѣнѣ своихъ маршаловъ—Мормона, Бертье и другихъ, Наполеонъ былъ крайне пораженъ: „Ночью, рассказываетъ Слоонъ („Новый Наполеонъ“) у него случился жестокій судорожный припадокъ. Камердинеръ услышалъ страшный крикъ и бросился въ комнату императора. Послѣ судорогъ наступилъ сонъ, а затѣмъ, проснувшись, Наполеонъ окончательно пришелъ въ себя. На другое утро, одинъ изъ наиболѣе близкихъ къ императору, Коленкуръ, былъ пораженъ громадной перемѣной съ Наполеономъ; глаза его ввалились и потускнѣли; онъ, казалось, лишь съ трудомъ узнавалъ окружающіе предметы“. Точно такой же припадокъ съ императоромъ сдѣлался въ Э, когда послѣ отреченія отъ престола, онъ ѣхалъ на островъ Эльбу. Но не всѣ припадки носили столь типичный характеръ; иногда они замѣнялись внезапно наступавшимъ глубокимъ сномъ, изъ котораго не было возможности его пробудить. Слоонъ рассказываетъ, что въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, когда Наполеонъ получилъ извѣстіе

¹⁾ Я заранѣе извиняюсь въ обиліи быть можетъ слишкомъ утомительныхъ цитатъ, но мнѣ очень хорошо извѣстно столь распространенное въ обществѣ мнѣніе, будто психіатры видятъ всюду только болѣзни. Лично мнѣ хотѣлось бы быть свободнымъ отъ таковаго упрека.

объ измѣнѣ саксонцевъ, онъ тяжело опустился на стулъ, тотчасъ же впалъ словно въ оцѣпенѣніе и съ полчаса сидѣлъ въ безсознательномъ состояніи, по виѣшности напоминавшемъ глубокой сонъ. Очнувшись и сдѣлавъ неотложныя распоряженія, онъ еще, повидимому, долго не могъ совершенно придти въ себя; все утро безцѣльно бродилъ по Лейпцигу съ такимъ растеряннымъ видомъ и въ такомъ беспорядочномъ костюмѣ, что императора не узнавали его офицеры. Только черезъ день Наполеонъ сталъ снова бодрымъ и дѣятельнымъ. Повидимому, въ такомъ же положеніи онъ находился и наканунѣ битвы при Липи, когда, едва отдавъ необходимыя приказанія, онъ погрузился какъ будто въ „летаргическое“ состояніе. Во время роковой битвы при Ватерлоо Наполеонъ чувствовалъ себя такъ плохо, что вынужденъ былъ сойти съ коня и, сидя у стола, то и дѣло впадалъ въ дремоту.

Приведенные выше факты, а число ихъ я могъ бы легко увеличить, категорически свидѣтельствуютъ, что у Наполеона наблюдались несомнѣнные припадки эпилепсіи. Является вопросъ, отразилось ли у него это страданіе на душевной дѣятельности, и если да, то какимъ образомъ?

Большинство историковъ, описывая характеръ Наполеона, единодушно отмѣчаютъ, какъ выдающуюся черту, замѣчательное притупленіе нравственнаго чувства. Эта особенность, ясная еще въ дѣтскіе годы, съ возрастомъ постепенно выступаетъ все рѣзче и рельефнѣе. Ребенкомъ Наполеонъ часто билъ братьевъ, а затѣмъ самъ же шелъ жаловаться на нихъ своей матери, чтобы избѣгнуть грозившаго наказанія. Въ школѣ онъ ссорился постоянно со всѣми товарищами. Но въ особенности ярко обрисовываетъ нравственный обликъ Наполеона его отношеніе къ родинѣ, къ Корсикѣ, гдѣ онъ подолгу жилъ въ первые годы своей военной службы. Для того, чтобы это отношеніе было болѣе понятно, я долженъ напомнить нѣсколько историческихъ фактовъ. Въ послѣдніе годы владычества Бурбоновъ островъ Корсика отчасти хитростью, отчасти силой былъ присоединенъ къ Франціи. Знаменитый кор-

сиканскій патріотъ, Паоли, удалился въ добровольное изгнаніе, но изъ Англіи, гдѣ жилъ, поддерживалъ тѣсныя сношенія со своими единомышленниками, тяготившимися иноземнымъ владычествомъ. Когда вспыхнула французская революція, броженіе охватило и Корсику. Населеніе раздѣлилось на нѣсколько партій; одни, во главѣ съ возвратившимся Паоли, мечтали о свободѣ Корсики подъ протекторатомъ Англіи, другіе предпочитали оставаться въ соединеніи съ Франціей, чтобы воспользоваться всѣми правами французскихъ гражданъ; третьи, наконецъ, добивались абсолютной независимости. Между всѣми партіями происходила ожесточенная борьба и въ ней принялъ живое участіе Наполеонъ. Ему въ это время всего было двадцать лѣтъ, т. е. онъ находился какъ разъ въ томъ возрастѣ, когда человѣку особенно свойственны идеальныя стремленія, когда онъ особенно горячо реагируетъ на нарушеніе принциповъ этики, нерѣдко забывая при этомъ даже собственные интересы. Какъ же ведетъ себя Наполеонъ при этихъ условіяхъ, когда дѣло идетъ о благѣ родины, которой по его словамъ, онъ былъ такъ беззавѣтно преданъ? Всѣ его поступки носятъ на себѣ отпечатокъ не пылкаго юношескаго чувства, а холоднаго, грубаго, разчетливаго эгоизма. Сначала онъ принимаетъ сторону Паоли, являясь яркимъ патріотомъ, затѣмъ рѣзко переходитъ въ противоположный лагерь; во главѣ милиціи онъ нападаетъ на регулярныя войска, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого вмѣстѣ съ французскими войсками дѣлаетъ неудачную попытку занять крѣпость, принадлежащую корсиканцамъ, и все это онъ совершаетъ, руководствуясь единственной цѣлью доставить себѣ и своей семьѣ матеріальное обезпеченіе, а также получить преобладающее вліяніе на дѣла всего острова. Вынужденный возвратиться во Францію, Наполеонъ искусно эксплуатируетъ нищету, въ которой очутилась его семья, громко объявляетъ себя пострадавшимъ за дѣло революціи и всѣми силами старается сблизиться съ господствовавшей тогда якобинской партіей. Не смотря на то, что его полкъ уже давно находился въ арміи, сражавшейся

противъ австрійцевъ, онъ не спѣшилъ къ нему и, только тогда, когда заручился поддержкой якобинцевъ, принялъ участие въ военныхъ дѣйствіяхъ. Отличившись на войнѣ, Наполеонъ былъ представленъ къ производству въ бригадные генералы, но опасаясь, что это представленіе не утвердятъ, не остановился даже передъ прямымъ подлогомъ. Въ послужномъ спискѣ, посланномъ въ Парижъ, онъ показалъ, что находится на службѣ годомъ больше, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ; утверждалъ далѣе, что будто-бы въ бою командовалъ батальономъ и рѣшительно отрицалъ, чтобы выдавалъ себя когда-либо за дворянина. Чѣмъ болѣе виднаго положенія достигалъ Наполеонъ, чѣмъ шире становился кругъ его дѣятельности, тѣмъ очевиднѣе сказывалось въ немъ отсутствіе какого-либо руководящаго нравственнаго принципа. 13-го Вендемьера, когда населеніе Парижа готовилось къ возстанію, Наполеонъ говорилъ Жюно: „ахъ, если-бы инсургенты выбрали меня своимъ вождемъ: я впродолженіи двухъ часовъ захватилъ бы Тюльери, прогналъ бы оттуда презрѣнныхъ конвенціоналовъ“. Едва прошло нѣсколько часовъ, какъ Наполеонъ уже во главѣ конвенціоналовъ пушечными выстрѣлами усмиралъ возстаніе. Здѣсь, въ этомъ фактѣ ярко сказался не убѣжденный политическій дѣятель, а наемный бандитъ, который дерется за того, кто ему больше платитъ. Достигнувъ самой высшей ступени могущества, какая только доступна человѣку, Наполеонъ остается тѣмъ же сухимъ и черствымъ эгоистомъ, мечтающимъ только о себѣ и презирающимъ все остальное. „Необузданно честолюбивый, собственную личность онъ выдвигалъ въ своихъ мечтахъ и планахъ вездѣ и всюду на первое мѣсто, говорить Тэнъ, точнѣе сказать, онъ отождествлялъ будущую исторію земного шара съ своей біографіей и біографіей своего потомства“. Въ Италіи онъ заявилъ Буррѣну: „Европа это маленькій клочекъ земли. Великія имперіи и великіе перевороты имѣли мѣсто только на Востокѣ, гдѣ живутъ 600 милліоновъ людей“. Годъ спустя онъ мечталъ: „Если я овладѣю Сень-Жанъ-Акромъ, я найду тамъ много сокровищъ и

оружія. Я подыму и вооружу всю Сирію, пойду на Дамаскъ, увеличу свою армію, возбуждая всѣхъ недовольныхъ, явлюсь въ Константинополь, низвергну Турецкую имперію и осную на Востокѣ новое великое царство, которое обезсмертитъ мое имя“. Въ ноябрѣ 1811 года онъ сказалъ Прадту: „Черезъ 5 лѣтъ я буду повелителемъ вселенной, остается только Россія, но я ее уничтожу“.

Я намѣренно привелъ эти цитаты, въ которыхъ Наполеонъ высказываетъ самыя задушевные свои думы: вездѣ въ нихъ только одно его „я“. О благѣ, о счастіи людей нѣтъ ни поль-слова. Ни одной минуты Наполеонъ не останавливается на мысли, что его планы связаны съ потоками крови. Въ Дрезденѣ, когда Меттэрнихъ замѣтилъ, что послѣдняя война стоила 200,000 человѣческихъ жизней, Наполеонъ отвѣчалъ: „что значить для меня 200,000 человѣкъ!“ Позднѣе, въ послѣдніе годы жизни въ своихъ сочиненіяхъ Наполеонъ высказывалъ самую страстную любовь къ Франціи, но если сопоставить его слова съ его дѣлами, то первыя невольныя покажутся только громкой, риторической фразой.

Такимъ образомъ, изученіе жизни и дѣятельности Наполеона приводитъ насъ къ убѣжденію, что выдающейся чертой этого человѣка слѣдуетъ признать слабость нравственнаго чувства—черта, которую отмѣчаетъ большинство историковъ и которая дала Тэню основаніе сравнить Наполеона съ разбойникомъ высшаго полета. Но, описывая эпилептический характеръ, я уже показалъ, что именно эта особенность присуща весьма многимъ эпилептикамъ, страдающимъ тяжелой формой невроза.

Продолжимъ далѣе нашъ анализъ психической личности Наполеона.

Второй выдающейся чертой его характера мы должны назвать замѣчательную, переходящую границы нормы раздражительность. Слоонъ рассказываетъ, что находясь въ Брѣнскомъ училищѣ, Наполеонъ во время ссоръ съ товарищами часто впадалъ буквально въ состояніе неистовства, во время

котораго наносилъ серьезные раны окружающимъ. Подобные же факты, относящіяся къ позднѣйшей жизни Наполеона, мы встрѣчаемъ у Тэна. На откровенное заявленіе сенатора Вольнея, что Франція желаетъ возвращенія Бурбоновъ, Наполеонъ, потерявъ самообладаніе, отвѣтилъ такимъ ударомъ ноги, что Вольней упалъ безъ сознанія и нѣсколько дней пролежалъ въ постели. Въ Сень-Клу, когда Жозефина застала его въ слишкомъ интимной бесѣдѣ съ одной дамой, Наполеонъ такъ стремительно набросился на свою супругу, что императрица едва успѣла убѣжать вонъ, и цѣлый вечеръ онъ находился въ крайне раздраженномъ состояніи, ломалъ мебель, какая только попадала ему подъ руку. Онъ самъ про себя говорилъ, „я столь раздражителенъ, что легко могъ бы сойти съ ума, если-бы кровь не текла въ моихъ жилахъ съ такой медленностью“. И дѣйствительно, приступы дикой ярости, въ которую онъ приходилъ по самому ничтожному поводу, наводили паническій страхъ на всѣхъ приближенныхъ; передъ нимъ трепетали тогда даже храбрѣйшіе изъ его маршаловъ—люди, которые на поляхъ битвы привыкли спокойно смотрѣть въ лице смерти. Однако не всегда Наполеонъ отличался подобной раздражительностью; временами настроеніе его круто мѣнялось; онъ становился чрезвычайно мягкимъ, съ сочувствіемъ относился къ чужому горю. Когда онъ видѣлъ волненіе Дондоло, защищавшаго Венецію, преданную Австріи, онъ самъ чуть не началъ плакать. Въ 1806 г., отправляясь въ армію, онъ никакъ не могъ разстаться съ Жозефиной и рыдалъ такъ, что съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ. Временами Наполеона покидала даже обычная его храбрость; онъ становился робкимъ, трусливымъ до малодушія. Послѣ отрѣченія отъ престола, по дорогѣ на островъ Эльбу, онъ до такой степени боялся покушеній на свою жизнь, что, не надѣясь на сопровождавшій его конвой, надѣлъ на себя форму австрійскаго полковника, каску прусскаго и пальто русскаго комиссара; остановившись въ гостиницѣ, онъ буквально дрожалъ при малѣйшемъ шорохѣ. И такъ поступалъ и велъ себя человекъ,

который оказывалъ чудеса храбрости и не утрачивалъ самообладанія въ самыя рѣшительныя минуты боя. Такимъ образомъ выдающеюся особенностью характера Наполеона слѣдуетъ назвать также крутыя колебанія въ настроеніи, быстрые переходы отъ одной крайности къ другой. Но вы помните, что именно эту особенность мы отмѣтили, какъ существенную черту эпилептического характера.

Рѣзкія колебанія у эпилептиковъ мы констатировали и въ интензивности ихъ интеллектуальной дѣятельности, въ способности ихъ къ умственному труду. Совершенно тоже самое видимъ мы у Наполеона. То онъ проявляетъ необычайную дѣятельность, спитъ не болѣе 3—4 часовъ въ теченіе всѣхъ сутокъ; проработавъ безъ усталы цѣлый день, онъ просыпается ночью, будитъ своихъ секретарей и начинаетъ имъ диктовать. Мысли его текутъ такъ быстро, что самое искусное перо не въ состояніи ихъ записать. Вниманіе его легко переходитъ отъ одного предмета къ другому; одновременно онъ можетъ заниматься и законодательной дѣятельностью и административной, вникаетъ въ мельчайшія подробности военной организаціи, разрѣшаетъ экономическіе вопросы, вмѣшивается въ дѣла народнаго просвѣщенія, въ управленіе театрами и т. д. и при всемъ этомъ не чувствуетъ ни малѣйшаго утомленія, что порою удивляло, по собственному признанію, его самого. Въ такіе періоды жажда работы, энергія, не находившая себѣ достаточнаго исхода, даже тяготила его. Но не всегда Наполеонъ бывалъ такимъ. Временами онъ впадалъ въ противоположную крайность и притомъ безъ всякаго внѣшняго повода въ самомъ разгарѣ оживленной дѣятельности, продолжать которую вдобавокъ настоятельно требовали внѣшнія условія. Послѣ побѣды подъ Дрезденомъ онъ совершенно не воспользовался ею, обнаруживъ замѣчательную вялость въ преслѣдованіи разбитыхъ союзниковъ: едва началъ онъ тогда приводить свой планъ въ исполненіе, какъ впалъ тотчасъ же въ состояніе какой-то загадочной апатіи. Всѣ офицеры французской арміи знали, что непріятель разбитъ и крайне удив-

лялись, почему ихъ вождь не принимаетъ никакихъ мѣръ, чтобы окончательно разстроить его. Подобныя колебанія въ настроеніи особенно стали замѣтными послѣ возвращенія Наполеона съ Эльбы. Возбужденіе и упадокъ духа постоянно чередовались, что рѣзко отразилось на всемъ образѣ дѣйствія Наполеона и не мало способствовало Ватерлооской катастрофѣ.

Такимъ образомъ, нашъ анализъ душевной жизни Наполеона приводитъ къ убѣжденію, что эпилептическій неврозъ наложилъ тяжелую руку и на этого замѣчательнаго человѣка: мы у него нашли всѣ основныя черты эпилептического характера.

Душевное состояніе Наполеона уже неоднократно оставляло на себѣ вниманіе не только историковъ, но и невропатологовъ. Въ самое послѣднее время ему были посвящены два изслѣдованія; одно принадлежитъ перу профессора Ломброзо, авторомъ другого является нашъ соотечественникъ проф. Ковалевскій.

Цезарь Ломброзо, набрасывая характеристику Наполеона, смотритъ на него съ точки зрѣнія своей гипотезы, по которой гениальность есть ничто иное, какъ видъ психической ненормальности. Онъ говоритъ буквально слѣдующее: „Гениальность есть форма психоза на почвѣ вырожденія съ признаками спеціальнаго эпилептического характера“. Ломброзо считаетъ безспорнымъ фактомъ, что эпилептическій припадокъ вполне аналогиченъ съ моментомъ высшаго экстаза у генія; бессознательную умственную дѣятельность мозга гениальнаго человѣка онъ сопоставляетъ съ непроизвольными сокращеніями мускуловъ у эпилептиковъ. Но приведемъ подлинныя слова Ломброзо: „Наиболѣе выдающаяся черта гениальности—это бессознательное творчество, но она вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою самое характерное проявленіе эпилепсіи. Это обстоятельство неизбѣжно приводитъ къ заключенію, что она есть особенная, такъ сказать божественная, варіація священнаго недуга (эпилепсіи)“. Заканчивая свою статью, Ломброзо добавляетъ, что у нѣкоторыхъ больныхъ не только при-

падокъ, но и вся жизнь полна психическими явлениями эпилепсiи и что самымъ разительнымъ примѣромъ въ этомъ отношенiи служить Наполеонъ. Я не имѣю въ виду останавливаться здѣсь на вопросѣ объ отношенiи между геніальностью и умопомѣшательствомъ, вопросѣ очень сложномъ и обладающемъ въ настоящее время уже обширной литературой. Ограничусь поэтому только немногими общими замѣчанiями.

Согласно установившимся нынѣ взглядамъ, геніальность и душевное разстройство—два явленiя, существенно отличныя одно отъ другого. Если наблюденiе показываетъ, что между членами одной и той же семьи очень часто встрѣчаются лица душевно-больныя, съ одной стороны, и выдающихся дарованiй, талантливыя—съ другой, то эти факты находятъ себѣ объясненiе въ крайне утонченной психо-нервной организаціи, которая составляетъ особенность нѣкоторыхъ семействъ; она при благопріятныхъ условiяхъ можемъ проявляться въ видѣ талантливости, геніальности, а при неблагопріятныхъ повести къ душевному заболѣванiю. Такое предположенiе вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ понятнымъ, отчего такъ часто талантливыя люди подвержены психическому разстройству.

Совершенно иначе, чѣмъ Ломброзо, смотритъ на Наполеона проф. Ковалевскій.

Признавая у него, подобно другимъ невропатологамъ, тяжелую форму эпилепсiи, этотъ авторъ однако не склоненъ приписывать невроту большого влiянiя на духовную жизнь Наполеона. Проф. Ковалевскій, повидимому, не признаетъ у него свойствъ, присущихъ эпилептическому характеру, но указываетъ, что въ послѣдніе годы дѣятельности подъ влiанiемъ участвовавшихъ припадковъ умственные силы Наполеона начали замѣтно падать.

Нашъ анализъ привелъ насъ между тѣмъ къ убѣжденiю, что эпилепсiя глубоко, кореннымъ образомъ измѣнила всю психическую личность Наполеона и черты, свойственныя эпилептическому характеру, мы могли подмѣтить у него уже съ самаго ранняго возраста.

Однако подобный выводъ, конечно, ни мало не выясняетъ историческаго значенія Наполеона. Въдъ въ то время, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ, безъ сомнѣнія было очень много эпилептиковъ, но только онъ далъ имя своей эпохѣ. Для этого нужны были выдающіяся умственныя способности, крупныя таланты. И дѣйствительно, какъ бы ни старались нѣкоторые историки унижить личность Наполеона, объективное изученіе его дѣятельности легко убѣждаетъ каждаго, что мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ великихъ умовъ. Достаточно для этого, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, припомнить его біографію. Уже съ дѣтства, на школьной скамьѣ, онъ обращаетъ на себя общее вниманіе своими выдающимися способностями и быстро дѣлается первымъ ученикомъ. По выходѣ изъ школы онъ не перестаетъ усердно изучать исторію, военныя науки и при первомъ же представившемся ему случаѣ обнаруживаетъ результаты этого изученія. До Наполеона въ военной тактикѣ, въ стратегіи господствовала мертвая рутина; Наполеонъ явился смѣлымъ новаторомъ и его войны въ Италіи и Германіи до сихъ поръ приковываютъ вниманіе специалистовъ, а многія изъ данныхъ имъ сраженій изучаются теперь во всѣхъ военныхъ академіяхъ въ качествѣ классическаго образца.

Но Наполеонъ былъ не только геніальный полководецъ.

Въ то время, когда онъ, сдѣлавшись первымъ консуломъ, взялъ въ свои руки верховную власть во Франціи, эта страна представляла по истинѣ безотрадную картину: всюду господствовалъ хаосъ; не только имущество, но и жизнь не пользовались достаточной безопасностью; шайки разбойниковъ безнаказанно грабили и убивали мирныхъ гражданъ подъ самыми стѣнами Парижа; администрація отличалась продажностью; правосудіа не существовало. Въ самый короткій срокъ, менѣе чѣмъ въ два года, такое положеніе государства измѣнилось до неузнаваемости; мѣсто прежняго безпорядка замѣнила стройная система, имущественныя и личныя права оказались обезпеченными въ достаточной степени, произволу и продажности былъ положенъ предѣлъ. Вновь созданная административная

машина, работавшая съ безукоризненной правильностью, на столько удовлетворяла требованіямъ жизни, что въ основныхъ своихъ чертахъ остается и по настоящее время.

Но этого мало.

Наполеонъ не только былъ великій полководецъ, не только искусный администраторъ, онъ былъ и выдающійся законодатель. Ясно сознавая всю неудовлетворительность и устарѣлость существовавшихъ тогда во Франціи законовъ, онъ обратился къ содѣйствию опытныхъ юристовъ, образовалъ изъ нихъ комиссію, принималъ самъ горячее участіе въ ея засѣданіяхъ, руководилъ преніями и въ результатъ былъ выработана кодексъ Наполеона, который Слоонъ сравниваетъ съ кодексомъ Юстиніана. Этимъ кодексомъ управляетъ Франція и понынѣ, слѣды его остаются даже въ нашихъ Привислянскихъ губерніяхъ, хотя онѣ очень короткое время находились подъ властью французовъ.

Я бы однако рисковалъ отнять у Васъ, Милостивыя Г-ни и Г-ри, слишкомъ много времени, если бы пожелалъ набросать всестороннюю характеристику дѣятельности Наполеона. Да, думается мнѣ, это было бы и излишне. Замѣчательныя дарованія его слишкомъ ярко проявлялись всюду, во всѣхъ его начинаніяхъ и только въ послѣдніе годы жизни Наполеона, особенно послѣ неудачнаго похода на Россію, его умственные силы стали замѣтно ослабѣвать. Одинъ изъ близкихъ Наполеона, Шапталъ, говоритъ, что онъ началъ „вырождаться“. Въ самомъ дѣлѣ, грубыя ошибки въ политикѣ, на поляхъ битвъ, при выборѣ людей стали совершаться все чаще и очевиднѣе. Прежняя могучая энергія ясно падала или проявлялась какъ бы пароксизмами. По всей вѣроятности здѣсь слѣдуетъ принимать въ расчетъ участившіеся припадки эпилепсіи.

Итакъ, Наполеона I мы имѣемъ полное право причислять къ величайшимъ умамъ нашего столѣтія. Но судьба, столь щедро одаривъ этого замѣчательнаго человѣка, въ то же самое время снабдила его роковымъ недугомъ. И подъ вліяніемъ этого недуга сформировался характеръ Наполеона,

вліяніемъ этого недуга существенно опредѣлилась и вся его политическая дѣятельность. Онъ имѣлъ всѣ данныя явиться однимъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей въ области культуры, а вмѣсто того, преслѣдуя только личныя цѣли, широкою волною крови затопилъ весь цивилизованный міръ. Тѣмъ высчиталъ, что въ войнахъ Наполеона погибло около четырехъ милліоновъ людей. Четыре милліона человѣческихъ жизней!... Я не беру съ рѣшительнаго вопроса, сколько человѣческихъ жертвъ требовали въ эпоху Наполеона благо Франціи и счастье всего человѣчества. Я не историкъ и даже не знаю, нужны ли были такія жертвы вообще, но, какъ невропатологъ, я твердо убѣжденъ, что значительная часть этихъ четырехъ милліоновъ всецѣло падаетъ на долю эпилепсіи, которою страдалъ великій человѣкъ.

